

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ И КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА*

Лариса Алексеевна ПОПОВА^{а*}, Елена Николаевна ЗОРИНА^б

^а доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Российская Федерация
porova@iespn.komisc.ru

^б научный сотрудник лаборатории проблем территориального развития, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Российская Федерация
zorina@iespn.komisc.ru

* Ответственный автор

История статьи:

Принята 09.12.2015
Принята в доработанном виде
08.02.2016
Одобрена 25.02.2016

УДК

314-053.88:377/378:33(470.13)
JEL: I25, J14, J24, O18, P36

Ключевые слова:

демографическое старение,
экономическая нагрузка,
возрастная дискриминация,
образовательный уровень,
знания

Аннотация

Предмет. В настоящее время в мире наблюдается демографическое старение населения, поэтому актуальным является исследование динамики уровня образования населения старше трудоспособного возраста и отношение пожилых людей к получению новых знаний, то есть к профессиональному переобучению.

Цели. Оценка уровня профессионального образования населения старше трудоспособного возраста в Российской Федерации и Республике Коми, выявление отношения пожилых людей к получению новых знаний и их реальной готовности к обучению как важнейших составляющих ресурсного потенциала населения третьего возраста, роль которого значительно возрастает в условиях высоких темпов старения населения.

Методология. В работе использовался анализ данных переписей населения и социологических обследований.

Результаты. Выявлено, что практически половина пенсионеров является высококвалифицированными специалистами, при этом 55% опрошенных считают, что людям старшего возраста обучение вполне под силу, а 35% сами желают пройти его. Определено, что 30% респондентов не только верят в способность пожилых людей учиться, но и лично хотели бы приобрести новые знания и навыки, а еще 13% – это профессионалы, которым переобучение не требуется, поскольку их навыки и умения хорошо востребованы. Показано, что люди старшего возраста не принимают участия в образовательных программах больше из-за существующих в обществе стереотипов, чем неспособности или нежелания проходить обучение.

Выводы. Снижение с возрастом доли занятых на прежнем рабочем месте в составе работающих пенсионеров подтверждает существование возрастной дискриминации даже на внутреннем рынке труда. Усиление экономических вызовов демографического старения диктует необходимость исключения из практики любых форм возрастной дискриминации в сфере занятости и образования и обеспечения условий для более полного использования интеллектуального потенциала пожилых людей.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2015

Введение

Одним из глобальных вызовов современности является демографическое старение, то есть увеличение в общей численности населения доли пожилых и старых людей. В Российской Федерации к началу 2015 г. удельный вес лиц

старше трудоспособного возраста составил 24%¹, увеличившись за последние полвека в 2,5 раза. В силу ряда причин темпы постарения в последнее время заметно ускорились. В условиях роста рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни населения, которая достигла максимальных значений за всю историю страны, Российская Федерация приближается к модели демографического старения, характерной для развитых стран.

В качестве главного негативного последствия постарения чаще всего рассматривают увеличение

* Авторы выражают искреннюю признательность и особую благодарность первому заместителю директора Института региональной экономики Севера СВФУ, доктору экономических наук, доценту С.А. СУКНЁВОЙ за помощь и постоянный интерес к работе, а также за ценные советы и замечания.

Статья подготовлена в рамках Комплексной программы УрО РАН «Человеческий капитал северного региона: возможности расширенного воспроизводства среднего класса» (проект № 15-14-7-6).

¹ Пожилое население России: проблемы и перспективы. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 45 с.

экономической нагрузки на работающее население, а в дальнейшем – недостаток трудовых ресурсов. В связи с чем в последнее время в стране активизировались дискуссии о необходимости повышения пенсионного возраста [1–3]. В то же время статистические данные и результаты социологических обследований свидетельствуют о том, что для Российской Федерации, в отличие от большинства экономически развитых государств, по-прежнему актуальной проблемой является дискриминация граждан по возрастному признаку в трудовой сфере [4–6]. Пожилые люди по мере увеличения возраста постепенно вытесняются со своих рабочих мест. В еще большей степени необоснованная возрастная дискриминация, в нарушение правовых норм, проявляется при устройстве граждан на работу. В настоящее время для приема на хорошую работу нынешними российскими работодателями негласно введен ценз в 35–40 лет, отражающий факт изменения у человека в силу возраста неких психофизиологических качеств: снижение подвижности психики, гибкости, физической силы, работоспособности, повышение утомляемости и прочее².

Особенно обнажаются дискриминационные практики в период сложной экономической конъюнктуры. Так, в условиях мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. снижение занятости среди населения старшего возраста происходило в стране гораздо быстрее, чем среди граждан других возрастных категорий. С мая 2008 г. по декабрь 2010 г. количество работающих пенсионеров сократилось примерно на 11,5%, в то время как количество работающих в целом – на 2,5%. При этом в большинстве западных государств многолетняя тенденция повышения занятости людей старшего возраста сохранилась и в период кризиса [3]. Эффективное стимулирование занятости пожилых работников, создание благоприятных условий для их адаптации к меняющимся запросам на рынке труда, успешное использование профессиональных знаний и огромного интеллектуального потенциала населения третьего возраста – одно из достоинств западной социальной модели [7–13]. К этому надо стремиться и у нас в стране, поскольку население пенсионного возраста обладает значительным ресурсным потенциалом и желанием

работать. Исследования показывают, что наиболее сильными детерминантами для трудовой активности пожилых людей являются возраст, состояние здоровья, уровень и отношение к образованию [14]. В статье будут рассмотрены динамика уровня образования населения старшего трудоспособного возраста и отношение пожилых людей к получению новых знаний.

Уровень образования населения старшего трудоспособного возраста

В 1989 г. в РСФСР 6,9% населения старшего трудоспособного возраста имели высшее и незаконченное высшее образование, еще 9,7% характеризовались средним специальным профессиональным образованием (табл. 1), то есть в конце 1980-х гг. лишь 16,5% лиц пенсионного возраста были специалистами высокого уровня квалификации. В 2002 г. послевузовское, высшее и неполное высшее образование было уже у 14% населения старшего трудоспособного возраста, среднее специальное – у 19%. Таким образом, доля высококвалифицированных профессионалов среди пенсионеров за 1989–2002 гг. удвоилась, достигнув 33%.

По данным переписи 2010 г., удельный вес лиц пенсионного возраста, имеющих послевузовское, высшее и незаконченное высшее образование, составил в стране 19,3%, а среднее профессиональное образование – 29,1%, то есть в 2010 г. почти половина российских пенсионеров (48,4% среди тех, кто указал уровень образования) являются высококлассными специалистами. За 2002–2010 гг. этот показатель увеличился почти в 1,5 раза. С учетом того, что последний межпереписной период заметно короче предыдущего, ежегодные темпы прироста образовательного уровня населения старших возрастов в 2002–2010 гг. не намного ниже, чем за период с 1989 по 2002 г.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации самое образованное поколение пенсионеров. Конечно, уровень образования у них несколько ниже, чем у работающего населения. В 2010 г. доля высококвалифицированных специалистов с послевузовским, высшим, незаконченным высшим и средним профессиональным образованием среди пенсионеров составила 48,4% против 64,1% среди населения трудоспособного возраста (ниже на 25%), однако разница сокращается:

- в 2002 г. эти показатели составляли 33 и 51,9% (ниже более чем на 1/3);

² Левинсон А.Г. Институциональные рамки старости // Вестник общественного мнения: данные, анализ, дискуссии. 2011. Т. 109. № 3. С. 52–81.

- в 1989 г. – 16,6% и 40,1% (ниже более чем $\frac{1}{2}$);
- в 2010 г. доля профессионалов высокого уровня среди российских пенсионеров составляла 48,4% (в 2002 г. их количество составляло 51,9%).

В Республике Коми уровень образования пенсионеров, по сравнению со средним по стране, несколько сдвинут в пользу специалистов со средним профессиональным образованием, что обусловлено особенностями отраслевой структуры экономики региона. В 2002 г. в республике 11,4% населения старше трудоспособного возраста имели послевузовское, высшее и незаконченное высшее образование, 22,1% – среднее специальное образование (табл. 2). Всего специалистов высокой квалификации в начале 2000-х гг. в республике было 33,5%. В целом по стране соответствующие цифры, напомним, составляли 14%, 19% и 33%.

Перепись 2010 г. зафиксировала среди населения пенсионного возраста республики, указавшего уровень образования, 16% специалистов с послевузовским, высшим и незаконченным высшим образованием, 33,8% – со средним специальным образованием. Таким образом, в 2010 г. высококвалифицированных специалистов в составе населения старше трудоспособного возраста в Республике Коми, как и в 2002 г., больше, чем в среднем по Российской Федерации (49,8% против 48,4%).

Отношение людей старшего возраста к образованию

В целях исследования основных проблем и ресурсного потенциала пожилых людей в 2013 г. авторами было проведено социологическое обследование «Проблемы третьего возраста», охватившее по квотированной выборке все муниципальные образования Республики Коми. Всего было опрошено 932 чел. в возрасте 55 лет и старше (выборка и основные выводы подробно описаны в монографии³). Обследование продемонстрировало весьма оптимистичный в целом настрой у населения старшего возраста. Практически по всем группам вопросов преобладают средние или позитивные ответы. Вопреки сложившимся стереотипам, что пенсионеры живут в крайней нищете и постоянно жалуются на нехватку средств, люди пожилого возраста чувствуют себя далеко не такими бедными. Наблюдающееся при этом увеличение

доли работающих пенсионеров является прежде всего следствием активизации населения третьего возраста, отражением его желания полнее реализовать свой ресурсный потенциал. Хотя более половины респондентов считают, что они уже заслужили право на отдых, до 65 лет у людей преобладает желание работать. По меньшей мере, 36% опрошенных пенсионеров продолжают трудиться. К работе у них не менее требовательное отношение, чем у людей трудоспособного возраста: примерно 1/3 из них хотела бы поменять место работы, найти новую. Настоящей работой они считают стабильную занятость на полную ставку. Почти 1/5 часть неработающих пенсионеров желает устроиться на работу. Распространенное объяснение желания работать в старших возрастах лишь экономическими мотивами, нуждаемостью и недостатком пенсионного обеспечения не соответствует действительности. Главнейшим стимулом для продолжения занятости является востребованность и включенность в социальные и профессиональные отношения. При этом более всего трудовая активность пожилых людей, кроме возраста и здоровья, определяется уровнем и отношением к образованию.

Отношение к получению новых знаний, реальная готовность к обучению представляет собой один из базовых показателей, отражающих творческий подход к труду. Постоянное повышение образования способствует развитию личности, удовлетворению индивидуальных потребностей и интересов, формированию квалификаций и ключевых компетентностей, позволяющих взрослому человеку быть востребованным на рынке труда, справляться с личностными и профессиональными проблемами [15]. Усиление демографического старения требует обеспечения условий для более полного использования интеллектуального потенциала взрослого населения, в том числе и пожилых людей. Возрастающая роль дополнительного образования в развитии практических знаний и умений взрослого человека побуждает исследователей к изучению форм и методов дополнительного образования, способствующих успешному развитию потенциала личности [15]. С другой стороны, важно определить, существует ли среди населения третьего возраста спрос на получение дополнительных знаний. Поэтому в обследовании наряду с другими вопросами авторы попытались оценить когнитивный потенциал пожилых людей, воспользовавшись методикой, описанной Д.М. Рогозиным [14]. Участникам опроса были

³ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2014. 122 с.

предложены два вопроса, затрагивающих тему образования людей старшего возраста:

- вопрос общего типа – «По Вашему мнению, если говорить в целом, способны или неспособны люди старшего возраста учиться, получать новые знания?»;
- частный вопрос – «А Вы лично хотели бы пройти обучение, получить новые знания, навыки?».

На вопрос о способности людей старшего возраста к обучению свыше половины опрошенных (54,9%) ответили утвердительно, почти 1/3 (32,3%) затруднились дать ответ и лишь 12,8% отметили, что люди старшего возраста неспособны учиться и получать новые знания (табл. 3). Безусловно, ответы на этот вопрос значительно коррелируют с возрастом. Большая часть респондентов дает утвердительные ответы лишь в возрастах моложе 70 лет. В самой молодой возрастной группе (55–59 лет) 68% респондентов считают, что люди старшего возраста способны учиться и получать новые знания. Гораздо меньше в этих возрастных группах также и затруднившихся определиться с ответом на этот вопрос (не более 26%).

Такая же сильная взаимосвязь ответов на вопрос о способности пожилых людей к обучению прослеживается с уровнем образования респондентов. Доля положительных ответов при снижении уровня образования сокращается почти в 2,5 раза: с 75% у опрошенных с высшим образованием до 31% у респондентов без профессионального образования.

Заметно выше оценивают способность людей старшего возраста к получению новых знаний городские пенсионеры: 58% положительных ответов против 49% в сельской местности.

Между женщинами и мужчинами разница незначительная: утвердительно ответили на этот вопрос 56% женщин и 52% мужчин. Но у женщин несколько больший процент отрицательных ответов (соответственно 13 и 12%), то есть они в целом более уверенно оценивают способности людей старшего возраста к обучению и получению новых знаний (женщин, затруднившихся выразить свое мнение по этому вопросу, оказалось 31% по сравнению с 36% среди мужчин).

Если на вопрос о способности людей старшего возраста к обучению больше половины респондентов ответили утвердительно, то на вопрос о желании пройти обучение, получить

новые знания и навыки, который касается непосредственно опрашиваемых, наиболее распространенным оказался отрицательный ответ (41,5%). О своей готовности к обучению заявили только 35,3% участников опроса. В ответах на этот вопрос также прослеживается связь с возрастом, но она не такая однозначная, как в вопросе о способности пожилых людей к обучению, в котором процент утвердительных ответов с увеличением возраста респондентов неуклонно убывает. Здесь убывающий с возрастом тренд также прослеживается (с 54 до 15%). Однако минимальным процентом положительных ответов характеризуется группа 75–79 лет (10%), а в следующих двух возрастных группах этот процент возрастает до 15%. Возможно, это объясняется тем, что у людей, доживших до столь солидных возрастов, уровень личного физического и интеллектуального самочувствия выше, чем представление о нем с точки зрения существующих в обществе стереотипов: по исследованиям геронтологов, биологический возраст долгожителей ниже их календарного возраста.

Совершенно однозначна связь ответов на этот вопрос с уровнем образования. Желание лично получить новые знания и навыки снижается с 53% у пожилых людей с высшим образованием до 18% у лиц без профессионального образования, а количество отрицательных ответов со снижением уровня образования возрастает с 29 до 59%. Среди наиболее образованных также и минимальный процент не определившихся с вопросом, нужны ли им лично новые знания. Намного больше положительных ответов было получено в городах (39%), чем в сельской местности (27%). Почти так же велика разница в желании пройти обучение и получить новые знания у женщин и мужчин: 38% и 29%, соответственно, то есть женщины более восприимчивы к получению новых знаний и лучше сохраняют свои когнитивные способности с возрастом.

Столь значительные различия в количестве положительных ответов на вопрос о способности населения старшего возраста получать новые знания (54,9%) и вопрос о желании лично пройти обучение (35,3%) указывают на существенный разрыв между устоявшимися социально одобряемыми представлениями о возможностях пожилых людей и личными ожиданиями и текущими обыденными практиками. Поэтому интерес представляет также и взаимосвязь этих вопросов между собой. В своей статье Д.М. Рогозин [14] предлагает рассмотреть

несколько вариантов ответов, позволяющих построить типологию отношения пожилых людей к обучению (рис. 1).

Положительные ответы на вопрос о способностях пожилых людей к обучению и собственной готовности учиться дает группа гибких, восприимчивых к новому людей, не только позитивно смотрящих на мир, но и заявляющих о своем намерении поучаствовать в его обновлении. Группу таких людей Д.М. Рогозин назвал «глиной» – эластичным материалом, способным принимать любые формы, впитывающим в себя все новое и прогрессивное. В нашем массиве обследованных таких восприимчивых ко всему новому личностей оказалось 30%. Чаще всего это женщины в возрасте до 70 лет с высшим или средним специальным образованием, живущие в городе (табл. 4).

Верящих в способности людей старшего возраста к обучению, но отказывающих себе в таковом, Д.М. Рогозин назвал «керамикой». Это устойчивые, полностью сформировавшиеся личности, понимающие окружающий мир и свое место в нем. Отказ же от обучения для них мотивирован скорее не апатией и невозможностью узнать что-то новое, а отсутствием необходимости в этом, востребованностью уже приобретенных навыков и умений. Таких полностью сформировавшихся личностей в нашем массиве обследованных оказалось 13%. Как правило, это лица с начальным профессиональным образованием в возрасте 70–79 лет, проживающие в сельской местности. Это квалифицированные рабочие, имеющие хорошую востребованную профессию.

Люди, заявляющие о желании учиться, но не верящие в возможности таких же людей, как они, пройти обучение, по словам Д.М. Рогозина, подобны «воде», которая заполняет новые места, но течет лишь в заданном направлении. Таким людям часто присущи нереализованные амбиции, задавшие дальнейшую жизненную траекторию. В обследованной совокупности их оказалось не больше 1%. Данные, представленные в табл. 4, показывают, что среди них совсем нет лиц с высшим профессиональным образованием.

И, наконец, отказывающиеся от обучения и приобретения новых знаний как для себя, так и для других похожи, по словам Д.М. Рогозина, на «песок», рассыпанный в пространстве, похульный на солнце. Без надежд, без веры в себя, лишь обремененные заботами и бесконечными

проблемами, они находятся в мире безысходных ожиданий и безответных жалоб, которые и питают их волю к жизни [14]. Таких потерявших интерес к жизни среди участников опроса оказалось 11%. В основном это лица без профессионального образования старше 80 лет, проживающие в сельской местности.

Заключение

За 1989–2010 гг. уровень профессионального образования населения старше трудоспособного возраста увеличился в Российской Федерации почти в 3 раза. В настоящее время практически половина российских пенсионеров являются высококвалифицированными специалистами со средним и высшим профессиональным образованием. Образовательный уровень пожилых постепенно приближается к уровню людей трудоспособного возраста. При этом старшее поколение обладает значительным когнитивным потенциалом. Более половины опрошенных в рамках исследования «Проблемы третьего возраста» пожилых людей (55%) считают, что людям старшего возраста обучение вполне под силу, а 35% – сами желают пройти его, 30% респондентов не только верят в способность людей в возрасте учиться и получать новые знания, но и лично хотели бы пройти переобучение, приобрести новые знания и навыки. Еще 13% опрошенных – это профессионалы, которым переобучение не требуется, поскольку их навыки и умения и так востребованы, и они признают когнитивные способности пожилых людей. Учитывая, что массив обследования характеризуется пониженным уровнем образования и занятости⁴, в генеральной совокупности эти цифры еще выше, а с ростом образовательного уровня населения старшего возраста они будут увеличиваться дальше.

В настоящее время не только пенсионеру, но и человеку предпенсионного возраста практически невозможно устроиться на новую работу по специальности. О случаях получения пожилыми людьми профессионального образования мы узнаем по большей мере из международных новостей. Но и на Западе вопрос о целесообразности инвестиций в образование лиц старшего возраста стоит совсем неоднозначно [16]. Старость номинируется в обществе как период дистанцирования от образовательного пространства в связи с представлениями либо о неспособности пожилого человека к образованию, либо о наличии у него дефицита времени для ответных компенсаторных действий,

⁴ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2014. 122 с.

либо об исключительном предназначении пожилого человека для работы по дому и воспитания внуков [15]. При этом, как показало обследование, российские пенсионеры не принимают участия в образовательных программах, скорее, в силу укорененных в обществе предубеждений, чем собственной неспособности или нежелания проходить обучение. Работодатели довольно часто под тем или иным предлогом сокращают пожилых сотрудников, о чем убедительно свидетельствует снижение с возрастом доли занятых по прежнему месту работы в составе работающих пенсионеров⁵. В то же время такие качества, как высокий профессионализм и желание трудиться могут прекрасно компенсировать некоторое ухудшение физических данных этих работников.

В условиях усиления экономических вызовов демографического старения необходимо избавляться от бытующих в обществе негативных стереотипов относительно старшего возраста. Ускорение постарения общества ставит вопрос о переоценке старости с избавлением от всевозможных спекуляций по поводу биологической и социальной неполноценности пожилого человека. Современные исследования в области биологии, психологии старения, социальной геронтологии дают все основания для смены дискурса старости от финалистских, негативно оценивающих интерпретаций к признанию равноценности ее с другими этапами жизненного пути, обладания своими достоинствами и преимуществами [14, 15, 17–20]. Возраст не должен быть препятствием не только для продолжения работы на прежнем месте, но и для трудоустройства, а также даже для получения нового образования, если для этого нет других ограничений. Имеющийся ресурсный

потенциал лиц пенсионного возраста должен по достоинству оцениваться работодателями и государством.

Следует исключить из практики любые формы возрастной дискриминации в сфере занятости и образования. Наоборот, надо эффективней использовать в экономике профессиональные знания и интеллектуальный потенциал населения третьего возраста, создавать благоприятные условия для адаптации пожилых людей к меняющимся запросам на рынке труда через доступные образовательные программы, в том числе через профессиональную подготовку по направлению Государственной службы занятости. Служба занятости должна отказаться от дискриминации людей старше трудоспособного возраста при регистрации безработного населения в качестве ищущих работу. Возможно, назначение пособия по безработице следует оставить только за населением в трудоспособном возрасте, а содействие в поиске и подборе рабочих мест, направление на профессиональное переобучение должно быть свободным от дискриминационных практик по возрасту. Трудовая деятельность пожилых людей является не только средством повышения уровня их доходов. Работа должна приносить пользу им, их близким и всему обществу. Увеличение продолжительности активной жизни содействует возрастанию общей продолжительности жизни человека, а это одна из целей социального государства. И, наконец, использование ресурсного потенциала населения третьего возраста в немалой степени способствует экономическому процветанию страны. Старееющее население – не проблема экономики, а мощный ресурс ее роста, пожилые люди – не балласт, а «мотор» социально-экономического развития.

⁵ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2014. 122 с.

Таблица 1

Уровень профессионального образования населения старше трудоспособного возраста и населения трудоспособного возраста в Российской Федерации, % от численности лиц соответствующей возрастной группы, указавших уровень образования

Table 1

Vocational education level of population over working age and working age population in the Russian Federation, % of persons in the relevant age group, indicating the level of education

Год	Образование			
	Послевузовское	Высшее профессиональное	Незаконченное высшее	Среднее специальное
<i>Население старше трудоспособного возраста</i>				
1989	–	6,2	0,7	9,7
2002	0,3	12,8	0,9	19
2010	0,3	18,1	0,9	29,1
<i>Население трудоспособного возраста</i>				
1989*	–	14,6	1,3	24,2
2002	0,3	17,1	3,9	30,6
2010	0,7	24,9	6	32,5

* Занятое население.

Источник: данные переписи населения

* Employed population.

Source: Census data

Таблица 2

Уровень профессионального образования населения старше трудоспособного возраста в Республике Коми, % от численности лиц старше трудоспособного возраста, указавших уровень образования

Table 2

Vocational education level of population over working age in the Komi Republic, % of persons over working age, indicating the level of education

Год	Образование			
	Послевузовское	Высшее профессиональное	Незаконченное высшее	Среднее специальное
2002	0,2	10,3	0,9	22,1
2010	0,3	14,9	0,8	33,8

Источник: данные переписи населения и Комистата

Source: Census and Komistat data

Таблица 3

Распределение ответов на вопросы об отношении к образованию в пожилом возрасте

Table 3

Distribution of answers to questions about education in old age

Вопрос	Варианты ответов, %		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
По Вашему мнению, если говорить в целом, способны или неспособны люди старшего возраста учиться, получать новые знания?	54,9	12,8	32,3
А Вы лично хотели бы пройти обучение, получить новые знания, навыки?	35,3	41,5	23,2

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Таблица 4

Распределение респондентов по типам отношения к образованию в зависимости от пола, возраста, места жительства и уровня образования

Table 4

Distribution of respondents by type of attitude to education depending on sex, age, place of residence, and level of education

Социально-демографическая характеристика	Всего респондентов, ответивших да или нет на вопросы (рис. 1), чел.	Распределение ответивших по типам отношения к образованию, %			
		«Глина»	«Керамика»	«Вода»	«Песок»
<i>Пол</i>					
Женский	397	55,9	22,2	2,5	19,4
Мужской	125	48,8	29,6	0,8	20,8
Оба пола	522	54,2	24	2,1	19,7
<i>Возраст</i>					
От 55 до 59 лет	197	73,6	16,8	3,6	6,1
От 60 до 64 лет	130	50	30,8	0,8	18,5
От 65 до 69 лет	73	54,8	16,4	2,7	26
От 70 до 74 лет	55	34,5	41,8	1,8	21,8
От 75 до 79 лет	30	20	36,7	0	43,3
От 80 до 84 лет	23	21,7	17,4	0	60,9
От 85 до 89 лет	11	27,3	0	0	72,7
От 90 лет и старше	3	0	66,7	0	33,3
Всех возрастов	522	54,2	24	2,1	19,7
<i>Место жительства</i>					
В городской местности	364	59,6	20,5	2,5	17,4
В сельской местности	158	37,8	30,6	1	30,6
В городе и селе	522	54,2	24	2,1	19,7
<i>Образование</i>					
Высшее профессиональное	131	70,2	22,9	0	6,9
Среднее специальное	236	58,1	22,5	2,5	16,9
Начальное профессиональное	83	39,8	31,3	3,6	25,3
Профессионального образования нет	72	29,2	22,2	2,8	45,8
По всем уровням образования	522	54,2	24	2,1	19,7

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Рисунок 1

Отношение к обучению среди людей старшего возраста

Figure 1

Attitude towards learning among older people

Вы лично хотели бы пройти обучение,
получить новые знания, навыки?

		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
По вашему мнению, если говорить в целом, способны или неспособны люди старшего возраста учиться, получать новые знания?	Да	ГЛИНА 30%	КЕРАМИКА 13%	11%
	Нет	ВОДА 1%	ПЕСОК 11%	1%
	Затрудняюсь ответить	4%	17%	12%

Источник: авторская разработка

Source: Authoring

Список литературы

1. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79.
2. Соловьев А.К. Демографические условия повышения пенсионного возраста в России // Народонаселение. 2015. № 2. С. 39–51.
3. Роик В.Д. Пенсионная реформа: нужна концепция социального контракта поколений россиян для XXI века // ЭКО. 2012. № 2. С. 58–71.
4. Владимиров Д.Г. Пожилые граждане на рынке труда: зарубежный опыт // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 57–61.
5. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г. Старшее поколение как ресурс модернизации России // Народонаселение. 2013. № 3. С. 20–26.
6. Смолькин А.А. Трудовой потенциал пожилых людей // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 97–103.
7. Walker A. Work and Income in the Third Age – an EU Perspective. *The Geneva Papers on Risk and Insurance – Issues and Practice*, 1994, vol. 19, iss. 4, pp. 397–407. doi: 10.1057/gpp.1994.26

8. Appannah A., Biggs S. Age-Friendly Organisations: The Role of Organisational Culture and the Participation of Older Workers. *Journal of Social Work Practice*, 2015, vol. 29, no. 1. doi: 10.1080/02650533.2014.993943
9. McVittie Ch., McKinlay A., Widdicombe S. Passive and Active Non-employment: Age, employment and the identities of older non-working people. *Journal of Aging Studies*, 2008, vol. 22, no. 3, pp. 248–255. doi: 10.1016/j.jaging.2007.04.003
10. David de la Croix, Olivier Pierrard, Henri R. Sneessens. Aging and Pensions in General Equilibrium: Labor market imperfections matter. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2013, vol. 37, no. 1, pp. 104–124. doi: 10.1016/j.jedc.2012.06.011
11. Bell D.N.F., Rutherford A.C. Older Workers and Working Time. *The Journal of the Economics of Ageing*, 2013, vol. 1-2, pp. 28–34. doi: 10.1016/j.jeoa.2013.08.001
12. Hazan M. Longevity and Lifetime Labor Supply: Evidence and Implications. *Econometrica*, 2009, vol. 77, no. 6, pp. 1829–1863. doi: 10.3982/ECTA8107
13. Kautonen T., Tornikoski E., Kibler E. Entrepreneurial Intentions in the Third Age: The impact of perceived age norms. *Small Business Economics*, 2011, vol. 37, no. 2, pp. 219–234. doi: 10.1007/s11187-009-9238-y
14. Rogozin Д.М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93.
15. Елютина М.Э., Чеканова Э.Е. Пожилой человек в образовательном пространстве современного общества // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 43–49.
16. Brunello G., Comi S. The Side Effect of Pension Reforms on the Training of Older Workers. Evidence from Italy. *The Journal of the Economics of Ageing*, 2015, vol. 6, pp. 113–122. doi: 10.1016/j.jeoa.2015.02.001
17. Hippolyte d'Albis, Fabrice Collard. Age Groups and the Measure of Population Aging. *Demographic Research*, 2013, vol. 29, no. 23, pp. 617–640. doi: 10.4054/DemRes.2013.29.23
18. Skinner B.F., Vaughan M.E. Enjoy Old Age: A practical guide. New York, W.W. Norton & Company, 1997, 162 p.
19. Ulpukka Isopahkala-Bouret. Graduation at Age 50+: Contested efforts to construct 'third age' identities and negotiate cultural age stereotypes. *Journal of Aging Studies*, 2015, vol. 35, pp. 1–9. doi: 10.1016/j.jaging.2015.07.001
20. Vincent J. Old Age. London, Routledge, 2003, 184 p.

THE LEVEL OF EDUCATION AND COGNITIVE ABILITIES OF THE THIRD AGE PEOPLE

Larisa A. POPOVA^{a*}, Elena N. ZORINA^b

^a Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation
popova@iespn.komisc.ru

^b Institute for Socio-Economic & Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation
zorina@iespn.komisc.ru

* Corresponding author

Article history:

Received 9 December 2015
Received in revised form
8 February 2016
Accepted 25 February 2016

JEL classification: I25, J14, J24,
O18, P36

Keywords: demographic aging,
economic burden, age
discrimination, educational level,
knowledge

Abstract

Subject The article studies the issues of elderly people's education level and attitudes to vocational retraining.

Objectives The aim of the study is to assess the level of vocational education of the population older than the working age one, in Russia and the Komi Republic, reveal the attitudes of elderly people to obtain new knowledge and their real readiness to learning, as major components of the resource potential of the third age population.

Methods For the study, we used the data of population census and sociological surveys.

Results On the basis of census data, we found the convergence of the educational levels of working and pension contingents, which almost three times increased for 1989–2010. Using the materials of sociological survey *Problems of the Third Age* held in 2013, we revealed the attitudes of the elderly to the professional retraining and evaluated their cognitive potential.

Conclusions At present, almost half of pensioners are highly qualified specialists. Older people do not participate in educational programs more because of societal stereotypes than the inability or unwillingness to undergo training. The survey reveals a decline with age of the percentage of the employed at the same workplace, consisting of working pensioners, that confirms the existence of age discrimination even on the domestic labor market. Strengthening the economic challenges of demographic aging calls for exclusion of all forms of age discrimination in employment and education from practice, and ensuring the conditions for better use of the intellectual potential of older persons.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2015

Acknowledgments

We express our sincere appreciation and special thanks to Svetlana A. SUKNEVA, Doctor of Economic Sciences, Professor, First Deputy Director of the Scientific-Research Institute of Regional Economy of the North of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, for the support and continued interest in the work, as well as for the valuable advice and comments.

The article was prepared within the framework of Comprehensive Program of the Ural Branch of RAS *Human Capital of the Northern Region: The Possibility of Expanded Reproduction of Middle Class*, project No. 15-14-7-6.

References

1. Kudrin A., Gurvich E. [Aging of population and the threat of fiscal crisis]. *Voprosy Ekonomiki*, 2012, no. 3, pp. 52–79. (In Russ.)
2. Solov'ev A.K. [Demographic conditions of the increase in retirement age in Russia]. *Narodonaselenie = Population*, 2015, no. 2, pp. 39–51. (In Russ.)
3. Roik V.D. [Pension reform: a need of the concept of social contract for the 21st century generations of Russians]. *EKO = ECO*, 2012, no. 2, pp. 58–71. (In Russ.)
4. Vladimirov D.G. [Senior citizens in the labor market: foreign experience]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2013, no. 6, pp. 57–61. (In Russ.)

5. Rimashevskaya N.M., Dobrokhleb V.G. [Older generation as a resource of modernization in Russia]. *Narodonaselenie = Population*, 2013, no. 3, pp. 20–26. (In Russ.)
6. Smol'kin A.A. [The employment potential of older people]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2014, no. 5, pp. 97–103. (In Russ.)
7. Walker A. Work and Income in the Third Age – an EU Perspective. *The Geneva Papers on Risk and Insurance – Issues and Practice*, 1994, vol. 19, iss. 4, pp. 397–407. doi: 10.1057/gpp.1994.26
8. Appannah A., Biggs S. Age-Friendly Organisations: The Role of Organisational Culture and the Participation of Older Workers. *Journal of Social Work Practice*, 2015, vol. 29, no. 1. doi: 10.1080/02650533.2014.993943
9. McVittie Ch., McKinlay A., Widdicombe S. Passive and Active Non-Employment: Age, Employment and the Identities of Older Non-Working People. *Journal of Aging Studies*, 2008, vol. 22, no. 3, pp. 248–255. doi: 10.1016/j.jaging.2007.04.003
10. David de la Croix, Pierrard O., Sneessens H.R. Aging and Pensions in General Equilibrium: Labor Market Imperfections Matter. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2013, vol. 37, no. 1, pp. 104–124. doi: 10.1016/j.jedc.2012.06.011
11. Bell D.N.F., Rutherford A.C. Older Workers and Working Time. *The Journal of the Economics of Ageing*, 2013, vol. 1-2, pp. 28–34. doi: 10.1016/j.jeoa.2013.08.001
12. Hazan M. Longevity and Lifetime Labor Supply: Evidence and Implications. *Econometrica*, 2009, vol. 77, no. 6, pp. 1829–1863. doi: 10.3982/ECTA8107
13. Kautonen T., Tornikoski E., Kibler E. Entrepreneurial Intentions in the Third Age: The Impact of Perceived Age Norms. *Small Business Economics*, 2011, vol. 37, no. 2, pp. 219–234. doi: 10.1007/s11187-009-9238-y
14. Rogozin D.M. [Liberalization of aging, or labor, knowledge, and health in older age]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 2012, no. 4, pp. 62–93. (In Russ.)
15. Elyutina M.E., Chekanova E.E. [An elderly man in the educational space in modern society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2003, no. 7, pp. 43–49. (In Russ.)
16. Brunello G., Comi S. The Side Effect of Pension Reforms on the Training of Older Workers. Evidence from Italy. *The Journal of the Economics of Ageing*, 2015, vol. 6, pp. 113–122. doi: 10.1016/j.jeoa.2015.02.001
17. Hippolyte d'Albis, Fabrice Collard. Age Groups and the Measure of Population Aging. *Demographic Research*, 2013, vol. 29, no. 23, pp. 617–640. doi: 10.4054/DemRes.2013.29.23
18. Skinner B.F., Vaughan M.E. Enjoy Old Age: A practical guide. New York, W.W. Norton & Company, 1997, 162 p.
19. Ulpukka Isopahkala-Bouret. Graduation at Age 50+: Contested Efforts to Construct 'Third Age' Identities and Negotiate Cultural Age Stereotypes. *Journal of Aging Studies*, 2015, vol. 35, pp. 1–9. doi: 10.1016/j.jaging.2015.07.001
20. Vincent J. Old Age. London, Routledge, 2003, 184 p.